

Религиоведение. 2022. № 3. С. 17–27.
Religiovedenie [Study of Religion], 2022. No. 3. P. 17–27.

DOI: 10.22250/20728662_2022_3_17

Сытько К.В.

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси
220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 15
kirylawolny@gmail.com

Приходские хроники Виленской римско-католической архиепархии первой половины XX в. как исторический источник

Аннотация. Практика использования римско-католической церковью истории в качестве инструмента влияния на социум привела к созданию особой системы нарративных исторических источников. Среди этих источников можно выделить приходские хроники. Появлению приходских хроник в Виленской архиепархии способствовала личная заинтересованность архиепископа Р. Ялбжиковского в сохранении историко-культурного наследия церкви. Во время пастырской визитации 1926–1930 гг. он потребовал, чтобы священнослужители занялись фиксацией местной истории. Для облегчения задачи был предложен специально разработанный формуляр, содержащий 101 вопрос. При этом данным формуляром не регламентировалось название создаваемого текста, а его содержание зависело исключительно от региональных особенностей. Авторами хроник, как правило, становились настоятели приходов, либо vikarии, что обозначалось на титульной странице документа. За редким исключением, атрибутировать авторство необходимо с помощью дополнительных процедур анализа текста. Авторы хроник на основе документов приходских, диоцезальных и университетских архивов, историографических работ, воспоминаний местных жителей, а также собственных наблюдений создавали уникальный нарратив, отражающий историю отдельного римско-католического прихода от даты consecрации церкви до момента, современного хронисту. При этом при использовании фактов церковных источников и историографических работ, они воспринимались как априорно обладающие всеми атрибутами критерия истинности. Воспоминания и свидетельства местных жителей требовали особой крестной присяги, что не всегда работало должным образом и приводило к попаданию в хронику сведений о сверхъестественных событиях и искажённых представлений прихожан об окружающей их действительности. Всё это позволило приходским настоятелям в 1926–1945 гг. создавать уникальные источники по региональной истории, которые требуют дальнейшего подробного изучения.

Ключевые слова: римско-католическая церковь, Виленская архиепархия, римско-католический приход, конфессиональное летописание, Ромуальд Ялбжиковский, исторический нарратив, верификация исторических источников

Kiryl W. Sytsko

Yakub Kolas Central Scientific Library National Academy of Sciences of Belarus
15 Sarganova str., Minsk, 220072, Republic of Belarus
kirylawolny@gmail.com

Parish Chronicles of the Vilna Roman Catholic Archdiocese of the First Half of the 20th Century as a Historical Source

Abstract. The practice of using history by the Roman Catholic Church as an instrument of influence on society has led to the creation of a system of narrative historical sources. Among these sources are the parish chronicles. The appearance of parish chronicles in the Vilna Archdiocese was facilitated by the personal interest of Archbishop R. Yalbzhikovskiy in preserving the historical and cultural heritage of the church. During the pastoral visitation of 1926–1930, he demanded that the clergy be engaged in fixing local history. To facilitate the task, a specially designed form containing 101 questions was proposed. At the same time, this form did not regulate the name of created text. Its content depended solely on regional characteristics. The parish priests or vicars became authors of chronicles. This was indicated on the title page of document. With rare exceptions, it is necessary to attribute authorship using additional text analysis procedures. The authors of chronicles, based on documents from parish, diocesan and university archives, historiographic works, memoirs of local residents, as well as their own observations, created a unique narrative. This

История религии / History of Religion

narrative reflected the history of a particular Roman Catholic parish from the date of the consecration of the church to the time contemporary to chronicler. When using the facts of church sources and historiographic works, they were perceived as having the criterion of truth. Memories and testimonies of local residents required a special oath of the cross. It didn't always work properly. The chronicle included information about supernatural events, distorted ideas of parishioners about the reality around them. All this allowed the parish priests in 1926–1945. create unique sources on regional history. These sources require further detailed study.

Key words: Roman Catholic Church, Archdiocese of Vilna, Roman Catholic parish, confessional annals, Romuald Jałbrzykowski, historical narrative, verification of historical sources

Введение

Римско-католическая церковь всегда уделяла должное внимание своей истории, рассматривая её как исключительный инструмент борьбы за имущественные права и души верующих. Подобные установки восприятия собственного историзма породили разветвлённую систему документов и материалов нарративного характера, в которых фиксировались основные вехи деятельности как крупных образований (архидиоцезы, орденские провинции), так и отдельных монастырей, небольших приходских общин, сообществ терциариев, приходских школ. Большинство подобных исторических источников описано и введено в научный оборот. Однако есть те, которые по разным причинам остались вне научного поля. Среди подобных документов можно выделить такой феномен регионального конфессионального летописания, как римско-католические приходские хроники, массово распространявшиеся на территории Виленской архиепархии в первой половине XX в.

Цель данной статьи – научный анализ хроник приходов Виленской римско-католической архиепархии первой половины XX в. Видится необходимым сформулировать ряд вопросов, ответы на которые позволят расширить представления об исторических источниках, создаваемых в рамках деятельности приходских римско-католических церквей:

1. Почему названные хроники не используются исследователями в работе?
2. Каким образом они появились в регионе?
3. Кем были авторы приходских хроник Виленской римско-католической архиепархии?
4. Каковы основные особенности построения текста, источники его формирования, степень достоверности данных источников?

Основной причиной отсутствия римско-католических приходских хроник Виленского архидиоцеза первой половины XX в. в научном поле являются особенности хранения и использования данных документов в межвоенной Польше, а после сентября 1939 г. – в республиках Советского Союза. Так, в Польской республике в каждом приходе существовал свой архив, в котором настоятели обязаны были надлежащим образом хранить материалы, касающиеся социально-культурной, сакральной и иной деятельности костёла. Как итог, приходские хроники хранились децентрализованно, к ним не допускались посторонние. Например, согласно воспоминаниям последнего владельца имения Ищелно Кароля Ляськовича, в 1930-е гг. он видел рукопись истории ищелнской церкви, хранившуюся особым образом в сакристии костёла вместе с богослужебными книгами [ZNIO. Sygn. 15480. K. 78]. За редким исключением, при наличии второй копии исторического источника, она отсылалась в диоцезиальный архив.

В советский период основная кампания по конфискации документов в костёлах на территории Западной Беларуси и Литвы происходила в 1946–1956 гг. При этом, как показывает анализ протоколов и актов об изъятии документов [ЦНА НАН. Ф. 3С. Оп. 33. Д. 1. Л. 1; Оп. 28. Д. 2. Л. 1], комиссии по конфискации изымали метрические книги, их копии и черновики, а также любые документы, содержащие сведения об актах гражданского состояния [ГАМн. Ф. 37. Оп. 1. Д. 18. Л. 6]. Следовательно, большинство приходских хроник осталось на местах, где они и были выявлены во время проведения полевой археографической экспедиции на территории Беларуси в 2017–2020 гг. В настоящий момент данные материалы продолжают храниться в римско-католических приходах. Частично изготовлены электронные копии, вошедшие в состав электронной коллекции 3С Центрального научного архи-

История религии / History of Religion

ва Национальной академии наук Беларуси. Некоторая часть копияных приходских хроник, хранившаяся в 1930-е гг. в Виленском архидиоцезиальном архиве, после его ликвидации вошла в состав описи 5 фонда 694 Литовского государственного исторического архива, но по причинам идеологического характера, существующим в белорусской и литовской исторической науке в советский период, в научной работе они не использовались. Ситуацию, обозначившую отношение советской историографии к культовым материалам, ярко характеризует основной методический проспект по источниковедению истории БССР, в котором исторические источники, созданные римско-католическим костёлом, были полностью удалены из исторического дискурса [Игнатенко, 1965, 7–26].

Как итог, на данный момент в научный оборот археографическим способом польскими авторами введены только те материалы, которые частично сохранились на территории, перешедшей к Польской Народной Республике в 1951 г. Приходские хроники, происходящие с территорий современных Беларуси и Литвы, историками не используются. Не обозначен генезис данных источников, репрезентативность информации, источниковая ценность, интенции авторов.

Определение к термину «римско-католическая приходская хроника» в белорусской и литовской историографии на сегодняшний момент не существует. Однако, проводя аналогии с городскими хрониками XVII – второй половины XIX в. [Улашчык, 2017, 588–589], можно говорить о том, что приходские хроники XX в. являются историческими произведениями, в которых в строгой хронологической привязке с разбивкой по годам записаны сведения о событиях в отдельном римско-католическом приходе с даты консекрации приходского костёла до момента, современного хронисту. Стоит отметить, что данный вид исторических источников не связан с церковно-приходскими летописями, свойственным православной церкви Российской империи в середине XIX – первой половине XX в. и на сегодняшний момент достаточно полно изученными (см., напр.: [Кулажанка, 2016; Добренький, 2021] и др.).

Исторический контекст появления названных материалов на территории Виленского архиепископства на сегодняшний момент в историографических работах не очерчен. Однако стоит отметить попытки разработки похожего феномена в Республике Польша (естественно, с учётом социально-культурной специфики региона и региональной привязки) и стремление ряда исследователей ассоциировать его исключительно с территориями титульных польских епископств [Kumor, 1958, 384–387; Librowski, 1969].

В то же время, современные польские авторы отмечают, что проблематика конфессионального летописания XX в. до сих пор не изучена в достаточной мере, а польские римско-католические приходские хроники являются источником, который только начинает осмысливаться с научной точки зрения [Pudłocki, 2018, 89]. В свою очередь, феномену хроник на территории современных Республики Беларусь и Литовской Республики не уделяется даже минимального внимания.

Первые попытки смещения вектора конфессионального летописания из монастырей в приходы произошли в регионе Великая Польша в 1828 г. На территории, которая в результате Второго раздела Речи Посполитой 1793 г. отошла к Пруссии, Примас Польши архиепископ Теофилий Валицкий издал декрет о необходимости фиксации истории каждой отдельной церкви в специальную тетрадь [B.S. (Odszyfrowanie nieznanе), 1925, 4]. В данном декрете видится попытка гармонизации деятельности римско-католических приходов региона с деятельностью церковью Пруссии и Австрии, в которых приходские хроники велись на протяжении нескольких веков и являлись документом, легитимирующим движимое и недвижимое имущество, а также источником, верифицирующим итоги инвентаризации этого имущества в процессе епископских визитаций. [Erdinger, 1892; Woker, 1893].

Первой попыткой ввести в обиход ведение хроник на территории, вошедшей в состав Российской империи в приходах Виленского епископства, стало распоряжение, изданное в 1848 г. епископом Вацлавом Казимиром Жилинским. В данном распоряжении содержалось требование к настоятелям всех без исключения приходов создавать приходские хроники в виде ответов на анкету из 14 вопросов об истории и

История религии / History of Religion

устройстве прихода. Данные «хроники» необходимо было сдать в курию не позднее 31 декабря 1851 г. [VUB RS. F. 4. A. 2831. L. 2v.]. Фактически, ответы (объёмом в 2–3 страницы) в Вильно прислал 301 священнослужитель¹. В дальнейшем, учитывая отсутствие постоянных напоминаний из курии, настоятели на местах подобные исторические региональные описания не составляли.

В среде священнослужителей Царства Польского и белорусско-литовских губерний Российской империи, призывы Премаса Польши к созданию хроник были в очередной раз поставлены на повестку дня в 1900 г.

В журнале «Гомилетика» вышла анонимная статья под названием «Парафиальная хроника», где данный вид источников рассматривался на примере приходских исторических записей прусского Санкт-Пельтена [Р.К. (Odszyfrowanie nieznane), 1900, 630]. В данной работе подчёркивалось, что приходские хроники могут стать значительным материалом для аргументации необходимости присутствия римско-католической церкви в жизни местного сообщества. В качестве дополнительного аргумента приводился тезис о том, что, создавая хроники, настоятели делают огромный вклад в изучение конфессиональной истории, охрану территориальной целостности приходов и т. д.

Стоит отметить, что данный призыв нашёл небольшой отклик в приходах, пограничных с Гнезненско-Познаньским архиепископством (территорией, окормляемой Премасами Польши). Например, составлением хроник занялись кс. Ян Сабчинский из Калиша [Walczak-Niewiadomska, 2007, 65], кс. Михаил Возняк из Хойнаты [Królik, 1993, 165] и т.д. (всего порядка 15 капелланов). На территории белорусско-литовских губерний на сегодняшний момент выявлен всего один подобный экземпляр – приходская хроника Шучинской церкви, созданная приехавшим в Щучин в 1912 г. кс. Рамуальдом Свирковским.

Факт отсутствия системного летописания в приходах отмечался в 1925 г. на страницах журнала «Пастырские ведомости». Анонимный автор подчеркивал значение подобных документов для истории региона и обращался к епископам диоцезов с возванием принять декрет об обязательном ведении хроник в каждой отдельной римско-католической приходской церкви [B.S. (Odszyfrowanie nieznane), 1925, 3–4].

Стоит думать, что непопулярность ведения данного вида документов вызвана, прежде всего, различиями в положении римско-католической церкви в Пруссии и Российской империи. Когда в Пруссии приходские хроники использовались во время судов в земельных спорах в качестве решающего аргумента, то на территории Российской империи они не являлись неким источником юридических прав того или иного прихода. Как итог, настоятель создавал источник, имея исключительно социально-культурные интенции, что для многих выделось лишней тратой времени. Кроме того, по словам одного из хронистов 1920-ых–1930-ых гг. кс. Флориана Неверы, многие священнослужители имели низкий уровень исторической культуры, используя документы, хранящиеся в приходских архивах, на хозяйственные нужды (например, растапливали ими печи, заворачивали в бумагу продукты и т.д.). В остальных же случаях, ценные архивные материалы могли десятилетиями лежать на чердаках в костёлах и племаниях, подвергаясь воздействию влаги и резких перепадов температур, постепенно превращаясь в труху. В итоге для написания хроники зачастую отсутствовал необходимый материал [Niewiero, 1939, 6].

Ситуация для римско-католической церкви региона резко поменялась в 1926 г., когда архиепископом Виленского архидиоцеза был назначен Ромуальд Ялбжиковский, отличавшийся достаточно активными действиями в контексте исторической и социальной памяти. Одной из первых инициатив нового архиепископа стала пастырская визитация. Она началась в сентябре 1926 г. и продлилась до начала 1930-х гг. Известно, что во время осенних выездов 1926 г. Р. Ялбжиковский потребовал от всех приходских настоятелей вести хроники [X.A.N. (Odszyfrowanie nieznane), 1927, 8]. Именно эту дату можно считать началом активного создания исторических записей на территории архиепископства. В период с 1926 по 1945 гг.² появились сотни приходских хроник, наиболее объёмными из которых являются материалы приходов в Дудах, Островце, Вишнево, Конвелишках, Ищельне, Константинове,

История религии / History of Religion

Репле, Валдатишках, Ивьи, Рожанке, Жирмунах, Наревке, Кнышине, Бакалажево, Шудзялово, Маево, Сувалках, Девянишкесе, Шальчининкае и многих др.

О том, что создание названных источников на территории Виленского архиепископства повлияла личная заинтересованность Р. Ялбжиковского, свидетельствует следующий факт. После высылки в 1945 г. Ялбжиковского из Вильно в Белосток, одним из первых его распоряжительных документов стал декрет о создании в приходах на территории Белосточчины хроник в двух экземплярах, один из которых в обязательном порядке сдавался на хранение в диоцезиальный архив [Szot, 2007, 179–180].

Примечателен также тот факт, что на территории соседней Пинской епархии, в которой личная епископская инициатива межвоенных предстоятелей Зигмунта Лозинского и Казимира Букрабы к созданию хроник проявлена не была, данные исторические источники выявлены в крайне малом количестве. Это документы из приходов в Медведичах [ADD. F. XI/Mon. Sygn. Kronika parafii i kościoła w Niedźwiedzicy] и Высоком [Ibid. F. XI/Mon. Sygn. Kronika kościoła par. w Wysokiem Litewskim].

С присоединением Западной Беларуси к БССР создание приходских римско-католических хроник на данной территории было приостановлено и возобновлено лишь в 1990-е гг., когда ряд священнослужителей начал вписывать в уже существующие хроники, созданные их предшественниками, данные за 1940–1990-е гг.

Авторами приходских хроник, как правило, являлись настоятели приходов, иногда викарии, что обозначалось на титульной странице документа, либо в итоговой записи. Например: «*[записал] кс. Владислав Лавринович, настоятель Реплянский дня 11 апреля 1928 г.*»³ [LVIA. F. 694. Ap. 5. B. 3838. L. 14v]. Одним из немногих исключений является история костела в Жирмунах, составленная ксендзом-магистром Ф. Неверой из Вильно [Niewiero, 1939, 7].

В редких случаях автор не обозначал себя способом, описанным выше, однако его атрибуция возможна благодаря сведениям, содержащимся в тексте. Например, автор хроники прихода в Рожанке указал себя в тексте документа в разделе с перечислением приходских администраторов: «*С 14 июня 1912 года настоятелем в Рожанке является кс. Ян Мороз, автор этого текста...*» [LVIA. 694. Ap. 5. B. 3756. L. 15v]. Автора приходской истории щучинского костёла, кс. Ромуальда Свирковского, удалось установить благодаря активному употреблению им личных местоимений и соотнесению фактов исторического источника с событиями жизни Свирковского: «*...по моему приезду в Щучин в 1912 году библиотека прихода насчитывала порядка 1200 книг...*» [АКПП. Ед. хр. Kronika parafjalna Szczyńskiego Kościoła. Л. 325] и т.п.

Вариации названий приходских хроник Виленского архиепископства разнообразны. Встречаются такие варианты названий, как «Historia domus», «Kronika kościoła», «Historia kościoła», «Kronika parafjalna», «Pamiętnik parafjalny», «Liber memorabilium», «Monografia parafji», «Skiz do dziejów parafji», «Kilka wiadomości o...», «Zapisy o...», «Skiz do kroniki kościelnej...» и иные. Подобные различия в возможных названиях ничем не регламентировались и, стоит думать, зависели от уровня образованности священнослужителя, использованных им источников информации и авторов, которым он мог потенциально подражать. Подобное расхождение в названиях встречается также в хрониках римско-католических орденов XVII–XIX вв. [Paulouskaya, 2016, 23–27].

Структура нарратива также была различной. Можно говорить о том, что не встречается двух абсолютно идентичных приходских хроник. Некто под криптонимом Х.А.Н.⁴ подчёркивал, что содержание и форма данных источников являются уникальными и зависят исключительно от индивидуальности автора и особенностей того региона, который он описывает в своём труде [Х.А.Н. (Odszyfrowanie nieznane), 1927, 8]. Так, подробно составленной хронике прихода в Дудах 1934 г., занимающей 197 листов и включающей в том числе предметные и именные указатели со ссылками на листы, «прямую речь» персонажей, подробные фольклорные записи народных песен, которые описываются в источнике и т.д. [LVIA. F. 694. Ap. 5. B. 1246], можно противопоставить краткую 11-листную хронику прихода в Святынях 1928 г., в которой в крайне сжатом виде приведены сведения о конскра-

История религии / History of Religion

ции святыни, её иконах и алтарях, а также о администраторах и vicариях [LVIA. F. 694. Ap. 5. B. 3920].

Стоит отметить, что несмотря на декларировавшуюся «уникальность и индивидуальность», попытки унифицировать структуру хроники всё же предпринимались. Для этого в рамках работы Виленской диоцезиальной комиссии по опеке над памятниками искусства и культуры, была создана археологическо-художественная секция. В её состав вошли такие известные деятели межвоенной Польши, как академик Тадеуш Растворовский, профессор Фердинанд Руциц, профессор Станислав Яроцкий, художница Бронислава Каминская и др. Данная секция разработала специальную анкету из 101 вопроса, разбитых на три больших блока – об истории прихода; об архитектуре в приходе; о внутреннем убранстве приходского костёла. Ответы на них гармонично связывались друг с другом и в будущем могли становиться основой унифицированной приходской хроники. Помимо этого, для того, чтобы ответы не стали формальностью, священнослужителям был предложен целый ряд исторической, гомилетической и богословской литературы для изучения и применения в работе с анкетой [ЦНБ НАН. ОРКиР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1127. Л. 1–3].

Причиной упомянутой унификации служил довод о том, что излишняя «индивидуальность» в сочетании с «несознательностью» может возрасти в стадию «смешного» [X.A.N. (Odszyfrowanie nieznane), 1927, 9]. Стоит думать, что под данными формулировками, имеющими определённый оттенок гротеска, скрывались причины идеологического характера. Получив в управление крупнейший диоцез II Речи Посполитой, Р. Ялбжиковский столкнулся с проблемами белорусского и литовского национального сепаратизма, главными ретрансляторами которого являлись римско-католические священнослужители Западной Беларуси и Литвы [Kasabuła, 2020, 78–80]. В частности, белорусские священники требовали от высшей церковной администрации исполнения т.н. «польского» конкордата 1925 г. в отношении языковой и этнической политики [Мруз, 2009, 257–274].

В данной ситуации возрастала необходимость иметь твёрдый идеологический фундамент, базирующийся на историзме римско-католического костёла в данном регионе, его единых традициях и языке богослужений. Стандартизированная приходская хроника виделась идеальным инструментом, с помощью которого конструировался особый дискурс, позволяющий священнослужителям и пастве увидеть свою историю сквозь призму «объективного» нарратива, что, теоретически, могло содействовать укреплению идеологических установок Виленской римско-католической курии и государства. Функционирование католического прихода на определённой территории вписывалось в контекст истории польского народа и становилось неотъемлемо частью истории региона, при этом над текстом хроники довлел традиционный историцистский догмат о написании «правдивой истории» для потомков.

Необходимо думать, что подобные идеологические конструкторы нашли свой отклик в белорусско-литовском католическом социуме 1930-ых гг. Описанная форма исторического мышления трансформировалась в стратегию местной нарративной идентичности. Эта трансформация просматривается в записках и размышлениях многих священнослужителей. Например, Дрисвятский декан кс. Петр Бруквицкий, осмысливая важность ведения хроники, называл исторические сведения о приходе не иначе, как «*клейнодом в короне*». Им отмечалось, что знание собственной истории влияет на прихожан не хуже, чем пасторские гомилии [Brukwicki, 1928, 5–6]. Данные интенции прослеживаются и в словах иных настоятелей. Например, отмечалось, что хроника необходима для того, чтобы «... прихожане знали не только историю своего народа, но и историю деятельности своего прихода...» [Stańszak, 1922, 2]. Настоятель прихода в Духах кс. Сикст Ганусовский во введении к дудской хронике 1934 г. отмечал, что пишет этот труд для потомков, которым он может послужить для создания системы памяти о их малой родине [LVIA. F. 694. Ap. 5. B. 1246. L. 4v]. Ксендз-магистр Флориан Невера опирался на то, что хроника показывает, какую «...важную роль сыграла католическая церковь в построении страны (II Речи Посполитой – К.С.) и подчёркивает огромные достижения этой церкви в пропаганде христианства на территориях бывшего Великого княжества Литовского...» [Niewiero, 1939, 4].

История религии / History of Religion

Что касается непосредственного влияния на мирян, то в данном случае в качестве примера можно привести уже упомянутые выше воспоминания К. Ляськовича. В частности, он отмечал, что хронику ищелнского прихода читали прихожанам с амвона во время престольных праздников после проповедей [ZNIO. Sygn. 15480, К. 47].

Таким образом, священнослужители создавали исторический источник, имеющий налёт уникальности при относительной унификации формуляра. Подобное положение вещей позволяет выделить общие черты приходских хроник, в том числе информационные единицы в их составе. Так, в каждом подобном источнике можно выделить следующую тематическую структуру:

1. Описание истории населённых пунктов, которые составляют приход костёла (когда возникли; кому принадлежали; кто выделял деньги на их содержание; последствия эпидемий и войн; основные занятия населения; наличие акатоликов и иудеев в регионе; наиболее известные деятели региона; локальные народные обряды, традиции, песни; характеристика почв, лесов и водоёмов и т.д.).

2. Описание истории прихода от даты consecрации местного костёла до момента, современного хронисту (собственно, сама приходская хроника, которая базируется на истории деятельности религиозных институтов в приходе; наличии орденов, конгрегаций, терциариев, братств и т.д.). В данный раздел настоятелям рекомендовалось также записывать свои личные наблюдения о характере прихожан, помещать список «публичных» грешников, богохульников, отступников от веры, а также совершивших конверсию из римо-католицизма в иную конфессию [Bruckwicz, 1928, 7].

3. Описание внутреннего убранства костёла на момент, современный хронисту (алтари основные и боковые, иконы, фигуры святых, кресты, подсвечники, жирандоли и т.д.). Так же делались описания всех филиальных костёлов и каплиц;

4. Описание кладбищ, родовых склепов, военных и эпидемических захоронений (в данном случае особое внимание уделялось наиболее старым захоронениям, а также захоронениям благодетелей, жертв войн и эпидемий);

5. Списки населённых пунктов, которые приписаны к приходу (все без исключения деревни, осады, хутора, имения, фольварки) с указанием расстояния центра населённого пункта от приходского костёла;

6. Описание приходских школ, больниц, богаделен;

7. Описание библиотеки и архива, которые имеются в приходе;

8. Краткие жизнеописания всех ксендзов-настоятелей, викариев и магистров, служивших в приходе от момента его основания.

Стоит отметить, что данные информационные единицы могли чётко структурироваться, выделяясь в особые разделы хроники, а могли не выделяться из общего массива текста. При этом порядок формирования блоков информации в единый нарратив был произвольным – они менялись местами, сливались, дробились на более мелкие части и т.д. Например, приходская хроника Волдатишек написана без дробления её на главы, части и т.д. [ЦНА НАН. Ф. 3С. Оп. 25. Д. 1]. В щучинской хронике структурно выделено каждое событие, которое произошло в пределах прихода с указанием его порядкового номера, согласно выстроенному автором порядку:

«(31) 11 июня [1831] пришла курсория № 95 от 29 мая с требованием выдать места нахождения в лесах «банд» вооруженных людей генералу от инфантерии графу Толстому» [АКПП. Ед. хр. Kronika parafjalna Szczyńskiego Kościoła. Л. 216];

«(52) 5 сентября [1915] утром казаки подожгли дом, находившийся посредине рынка. В доме было много товаров, принадлежавших еврейским торговцам (на 18.000 рублей)» [Ibid. Л. 230] и т.д.

Источниками информации хроник служили документы, отложившиеся в местных приходских архивах, воспоминания жителей региона и личные наблюдения священнослужителей. Реже хронист обращался к архивам университетов и историографическим трудам. Сведения об использовании тех или иных источников встречаются во вводных записях к хроникам, либо проистекают из текста. Например, настоятель из Волдатишек кс. Казимир Генрик Василевский поместил эту

История религии / History of Religion

информацию на титульном листе: «...на основе сохранённых в костёле источников и собранных сведений от прихожан, написал кс. Казимир Генрик Василевский...» [ЦНА НАН. Ф. 3С. Оп. 25. Д. 1. Л. 2]. Кс. А. Качинский из Высокого отмечал, что хроника записана из «...*правдивых уст...*», также источником информации служило «...*то, на что сам посмотрел...*» [ADD. F. XI/Mon. Sygn. Kronika kościoła par. w Wysokiem Litewskiem. K. 1]. Щучинский хронист кс. Р. Свирковский помимо сведений от прихожан и приходского архива неоднократно обращался к архиву князей Друцких-Любецких, работам историков Я. Курчевского и Я. Ивашкевича. Автор из Жирмун ссылался на Я. Длугоша и М. Стрыйковского. Аналогичные отсылки встречаются во всех без исключения хрониках XX в.

Верификация информации приходскими хронистами производилась по субъективным критериям, часто вписанных в императив религиозных традиций и морали. К текстам, созданным в рамках деятельности Римско-католической церкви, было безусловное доверие. Поэтому факты, извлечённые из инвентарей, актов визитаций, метрических книг, епископских посланий принимались как обладающие критериями истинности и использовались без проведения над ними процедуры верификации.

В свою очередь, для воспоминаний местных жителей существовал обряд крестной присяги, во время которого прихожанин клялся в том, что все, что он говорит, имело место в исторической действительности. Например, кс. С. Ганусовский отмечал, что пользовался свидетельствами «*наиболее надёжных прихожан*» [LVIA. F. 694. Ар. 5. В. 1246. L. 4v]. Вместе с тем не было установлено иных критериев к определению автором данной «надёжности», кроме присяги, а в самой хронике встречаются сведения о постоянных встречах прихожан с привидениями в облике мёртвых детей и животных (чёрного туманного быка или лошади) на дороге к холерному кладбищу в ночное время [Ibid. L. 131]. Настоятель ищелнской парафии кс. Болеслав Красодомский, раскрывая значение региональных топонимов, приводил воспоминания старожилов о том, что в сосновом лесу рядом с местечком в 1812 г. некий русский полковник по фамилии Новинка разгромно победил французов. Как итог, среди местного населения появилась поговорка «*Полковник Новинка преподнес французам новинку*», а место битвы стало называться Новинкой [ЦНА НАН. Ф. 3С. Оп. 2. Д. 1. Л. 14]. Вместе с этим, в описании ищелнской парафии, составленном кс. Станиславом Лозинским в 1784 г., по дороге из Ищелно в сторону Щучина упоминается некий сосновый лес под названием «Навина» [Рыбак, 2013, 30], который можно идентифицировать как «Новинку» из приходской хроники. Подобные сведения, взятые из народных воспоминаний и верифицированные с помощью процедуры присяги, встречаются во всех исторических текстах подобного рода, органично сплетаясь с историографическими фактами и информацией, взятой из архивных документов, в единый нарратив.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что в 1920-е гг. в Виленской римско-католической архиепархии под влиянием веяний из Гнезненско-Познаньского архиепископства была осуществлена попытка внедрения в деятельные практики приходской жизни реконструированной традиции конфессионального летописания в форме приходских хроник, ответственность за создание и ведение которых ложилась на настоятеля, либо викария. Появлению и распространению данного вида исторических источников на территории современных Беларуси и Литвы способствовала личная заинтересованность архиепископа Ромуальда Ялбжиковского, который видел в хрониках инструмент идеологического влияния на священнослужителей и мирян.

Формирование содержательной стороны текстов приходских римско-католических хроник обусловлено рядом региональных особенностей. Фактически, текст каждой хроники являлся исторической презентацией микрорегиона, под которым можно понимать костёл и населённые пункты, которые относились к его приходу. Ответственные за их ведение священнослужители занимались компиляцией фактов: взятые за основу материалы из приходских, куриальных и университетских архивов сочетались с историографическими фактами, а также с устной историей в виде воспоминаний прихожан и личных наблюдений настоятелей. Сочетание подобных

История религии / History of Religion

источников информации создавало уникальный синкретический свод, в котором фиксировались сведения об истории прихода в деяниях его священнослужителей; подробном описании художественных и архитектурных особенностей костёла и относящихся к нему филиалов и каплиц; местных верованиях; традициях; праздниках; песнях; занятиях населения, его конфессиональном и этническом делении и т.д. В том числе фиксировались последствия войн и эпидемий; особенности почвы, климат, наличие лесов, полей, рек, озёр и многое др.

В процессе создания хроник авторы руководствовались как личными интенциями, создающими налёт индивидуальности на источник, так и инструкциями Виленской римско-католической курии, которые способствовали некоторой унификации формуляра документа.

При этом возникают вопросы, связанные с верификацией источников информации, используемых настоятелями в процессе написания текста. Тогда как исторические материалы из приходских, университетских, куриальных архивов признавались априорно точными, достоверными и полными; собираемые воспоминания и свидетельства местных жителей подвергались проверке с помощью крестной присяги, что создавало уникальный околорелигиозный канон верификации. Данный канон в некоторой степени отражает феномен, который можно назвать приходской повседневностью – сведения о сверхъестественных событиях, а также искажение исторических событий сквозь призму представлений отдельной присягнувшей личности, вписывались в структуру местной исторической памяти. Таким образом формировался особый тип регионального исторического сознания, в котором сведения, данные под присягой, приобретали атрибуты истинности.

Ввиду того, что приходские хроники Виленского римско-католического архиепископства в первой половине XX в. по ряду причин не были широко использованы исследователями в качестве исторического источника, данный феномен требует дальнейшего изучения в рамках источниковедческих студий.

Список сокращений

- АКПП – Архив коллегіума пиаров и прихода Святейшей Терезы Авильской в г. Щучин
 ГАМн – Государственный архив Минской области
 ЦНА НАН – Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси
 ЦНБ НАН. ОРКиР – Центральная научная библиотека имени Якуба Колоса Национальной академии наук Беларуси. Отдел редкой книги и рукописей
 ADD – Archiwum Diecezjalne w Drohiczyńie
 LVIA – Lietuvos valstybės istorijos archyvas
 ZNIO – Zakład Narodowy im. Ossolińskich
 VUB. RS. – Vilniaus Universiteto Biblioteka. Rankraščių skyrius

Библиографический список

1. Добренький, С.И. Церковно-приходские летописи как исторический источник / С.И. Добренький // Исторические источники церковного происхождения синодального периода: сборник материалов научной конференции, посвящённой 300-летию учреждения Святейшего Правительствующего Синода. Санкт-Петербург, 15 апреля 2021 г. / Редкол.: В. В. Антонов [и др.]. – Москва: Старая Басманная, 2021. – С. 92–109.
2. Игнатенко, А.П. Введение в историю БССР. Периодизация, источники, историография / А.П. Игнатенко. – Минск: Высшая школа, 1965. – 48 с.
3. Кулажанка, Л. Царкоўныя летапісы XIX–XX стагоддзяў як крыніцы па мясцовай гісторыі / Л. Кулажанка, У. Кулажанка // Бельскі Гостінец. – 2016. – № 2. – С. 113–119.
4. Мруз, М. Каталіцызм на паграніччы. Адносіны каталіцкай царквы да ўкраінскага і беларускага пытання ў Польшчы ў 1918–1925 г. / М. Мруз – Мінск: Медысонт, 2009. – 304 с.
5. Рыбак, А. Вопісы парафій Лідскага дэканату ў 1784 г. Парафія Ішчалнская / А. Рыбак // Лідскі Летапісец. – 2013. – № 61. – С. 26–34.
6. Улашчык, М.М. Збор твораў: у 3-х тамах. Том 1: Працы па археаграфіі і крыніцазнаўству / М.М. Улашчык. – Смаленск: Інбелкульт, 2017. – 1360 с.

История религии / History of Religion

7. B.S. (Odszyfrowanie nieznanne), O ważności założenia i prowadzenia kroniki parafjalnej / B.S. // Wiadomości Pasterskie: dodatek do Miesięcznika Kościelnego. – 1925. – R. 2. – Nr. 2. – P. 4–6.
8. Brukwicki, P. Pamiętnik parafjalny (Liber memorabilium) / P. Brukwicki // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. – 1928. – Nr. 24. – P. 4–7.
9. Erdinger, A. Das Pfarrgedenkbuch / A. Erdinger // Theologische praktische Quartalschrift. – 1892. – Jahrg. 45. – P. 16–21.
10. Kasabuła, T. Deo et populo – Arcybiskup Romuald Jałbrzykowski // Pasterze niezłomni i błogosławieni / T. Kasabuła. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2020. – P. 77–89.
11. Królik, L. Kronika parafii Chojnata / L. Królik // Warszawskie Studia Teologiczne. – 1993. – Nr. VI. – P. 165–266.
12. Kumor, B. Kronika parafjalna / B. Kumor // Currenda. – 1958. – Nr. 108. P. 384–387.
13. Librowski, S. Zachowane kroniki parafjalne z terenu diecezji wrocławskiej z lat 1901–1939 oraz ich wartość jako źródła historycznego / S. Librowski / Archiwa, Biblioteki i Muzeja Kościelne. – 1969. – Tom 18. – P. 5–46.
14. Niewiero, F. Historia kościoła parafjalnego w Żyrmunach (1522-1624-1788-1938) / F. Niewiero – Lida, 1939. – 104 p.
15. P.K. (Odszyfrowanie nieznanne). Kronika parafjalna / P.K. // Homiletyka. – 1900. – R. 3. – T. 5. – P. 627–630.
16. Paulouskaya, H. Grodzieńskie kroniki klasztorne XVII i XVIII wieku: formy gatunkowe i aspekty komunikacyjne / H. Paulouskaya. – Warszawa: DiG, 2016. – 183 p.
17. Pudłocki, T. Kronika Parafii Targowiska z czasów I Wojny światowej // Krakowskie Pismo Kresowe / T. Pudłocki. – 2018. – Nr. 10. – P. 89–120.
18. Stańczak, Cz. Sobótka. Kronika parafii / Cz. Stańczak. – Łódź: Drukarnia państwowa, 1922. – 35 p.
19. Szot, P. Kronika parafii Majewo autorstwa Mieczysława Skrobota / P. Szot // Rocznik teologii katolickiej. – 2007. – Tom VI. – P. 179–192.
20. Walczak-Niewiadomska, A. Kronika kościelna Kalisza jako źródło do badań nad dziejami miasta / A. Walczak-Niewiadomska // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Librorum. – 2007. – Nr. 14. – P. 65–72.
21. Woker, I.-W. Pfarr-Chronik / I.-W. Woker // Der katholische Seelsorder. – 1893. – Jahrg. V. – P. 5–12.
22. X.A.N. (Odszyfrowanie nieznanne). Kronika parafjalna / X.A.N. // Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie. – 1927. – Nr. 15. – P. 8–10.

Текст поступил в редакцию 10.03.2022.

Принят к публикации 16.05.2022.

Опубликован 29.09.2022.

¹ На сегодняшний момент данные материалы хранятся в составе фонда 4 отдела рукописей Библиотеки Вильнюсского университета.

² В единичных случаях, например в лучайском приходе, хроники продолжали вестись после войны и их создание было приостановлено лишь в 1970-е гг.

³ Тут и далее цитаты из документов приводятся в переводе с польского языка.

⁴ Стоит думать, данным криптонимом подписывался настоятель в Ворнянах и хронист данного прихода ксёндз Антоний Невевский (xiądz Antoni Nieniewski).

References

1. B.S. (Odszyfrowanie nieznanne). Pastoral messages: supplement to the Church monthly [Wiadomości Pasterskie: dodatek do Miesięcznika Kościelnego]. 1925, vol. 2, no. 2, pp. 4–6 (in Polish).
2. Brukwicki P. *Archdiocesan News Of Vilnius* [Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie]. 1928, no. 24, pp. 4–7 (in Polish).
3. Dobren'kij S.I. *Istoricheskie istochniki tserkovnogo proiskhozhdenija sinodal'nogo perioda: sbornik materialov nauchnoj konferentsii, posviashchennoj 300-letiiu uchrezhdeniya Sviatejshego Pravitel'stvuiushchego Sinoda* [Historical Sources of Church Origin of the Synodal Period: A Collection of Materials of a Scientific Conference Dedicated to the 300th Anniversary of the Establishment of the Holy Governing Synod]. St. Petersburg, Moscow: Staraya Basmannaya, 2021, pp. 92–109 (in Russian).
4. Erdinger A. *Theological Practical Quarterly Work* [Theologische praktische Quartalschrift]. 1892. Jahrg. 45, pp. 16–21 (in German).
5. Ignatenko A.P. *Vvedenie v istoriyu BSSR. Periodizatsiya, istochniki, istoriografiya* [Introduction to the History of the BSSR. Periodization, Sources, Historiography]. Minsk: Vysshaya shkola, 1965, 48 p. (in Russian).

История религии / History of Religion

6. Kasabała T. *Shepherds steadfast and blessed* [Pasterze niezłomni i błogosławieni]. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2020, pp. 77–89 (in Polish).
7. Królik L. *Warsaw Theological Studies* [Warszawskie Studia Teologiczne]. 1993, no. VI, pp. 165–266 (in Polish).
8. Kulażanka L., Kulażanka U. *Bielski Hostiniec* [Bielski Path]. 2016, no. 2, pp. 113–119 (in Belarusian).
9. Kumor B. *Currenda*. 1958, no. 108, pp. 384–387 (in Polish).
10. Librowski S. Archives, libraries and church museums [Archiwa, Biblioteki i Muzeja Kościelne]. 1969, vol. 18, pp. 5–46 (in Polish).
11. Mruz M. *Katalicyzm na pahraničy. Adnosiny katalickaj carkvy da ŭkrainskaha i bielaruskaha pytannia ŭ Polšcy ŭ 1918–1925 h.* [Catholicism on the Border. The Attitude of the Catholic Church to the Ukrainian and Belarusian Question in Poland in 1918–1925]. Minsk: Miedysont, 2009, 304 p. (in Belarusian).
12. Niewiero F. *History of the parish church in Żyrmunach (1522-1624-1788-1938)* [Historia kościoła parafialnego w Żyrmunach (1522-1624-1788-1938)]. Lida, 1939, 104 p. (in Polish).
13. P.K. (Odszyfrowanie nieznane). *Homiletics* [Homiletyka]. 1900, vol. 3, no. 5, pp. 627–630 (in Polish).
14. Paulouskaya H. Grodno monastic Chronicles of the 17th and 18th centuries: genre forms and communication aspects [Grodzieńskie kroniki klasztorne XVII i XVIII wieku: formy gatunkowe i aspekty komunikacyjne]. Warszawa: DiG, 2016, 183 p. (in Polish).
15. Pudłocki T. *Krakowskie Pismo Kresowe*. 2018, no. 10, pp. 89–120 (in Polish).
16. Rybak A. *Lidski Lietapisiec* [Lida Chronicler]. 2013, no. 61, pp. 26–34 (in Belarusian).
17. Stańczak Cz. *Saturday. Parish Chronicle* [Sobótka. Kronika parafii]. Łódź: Drukarnia państwowa, 1922, 35 p. (in Polish).
18. Szot P. *Yearbook of Catholic theology* [Rocznik teologii katolickiej]. 2007, vol. VI, pp. 179–192 (in Polish).
19. Ulaščyk M. M., *Zbor tvoraŭ: u 3-ch tamach. Tom 1: Pracy pa archieahrafii i krynicaznaŭstvu* [Collection of Works: in 3 vols. Vol. 1: Works on Archaeography and Source Studies]. Smaliensk: Inbielkult, 2017, 1360 p. (in Belarusian).
20. Walczak-Niewiadomska A. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Librorum*. 2007, no. 14, pp. 65–72 (in Polish).
21. Woker I.-W. *The Catholic Pastoral Order* [Der katholische Seelsorger]. 1893. Jahrg. V, pp. 5–12 (in German).
22. X.A.N. (Odszyfrowanie nieznane). *Archdiocesan News Of Vilnius* [Wiadomości Archidiecezjalne Wileńskie]. 1927, no. 15, pp. 8–10 (in Polish).

Submitted for publication: March 10, 2022.

Accepted for publication: May 16, 2022.

Published: September 23, 2022.